

У НИКИТСКИХ ВОРОТ

литературно-художественный альманах

№ 1₍₂₀₁₈₎

>> Марк Розовский, Ольга Русецкая
«Театр начинается с...»

Светлана Замлелова
Сергей Казначеев
Александр Потапов
Элла Матонина
Алексей Волков
Лев Пиляр
Юрий Безелянский
Николай Юргель...

Альманах

У Никитских ворот.

Литературно-художественный

альманах №1(3) 2018 г.

«У Никитских ворот»

2018

УДК 82
ББК 84(2Рос)

Альманах

У Никитских ворот. Литературно-художественный альманах №1(3)
2018 г. / Альманах — «У Никитских ворот», 2018

ISBN 978-5-00095-535-2

Перерыв между новым и предыдущим номером альманаха «У Никитских ворот» не столь продолжительный, как в прошлый раз. И это не может не радовать. В первую очередь потому, что наше издание оказалось действительно востребованным не только среди авторов и читателей, но и в книжной индустрии. Получив множество положительных откликов по поводу предыдущего номера, мы убедились, что задача была поставлена правильно: представить современный литературный процесс максимально полно и широко. Третий номер альманаха «У Никитских ворот» продолжает успешно решать эту задачу. Помимо традиционных рубрик поэзии и прозы, включены новые разделы, в которых авторы размышляют о литературе, её героях, сути, истории. Так, Светлана Замлелова поднимает актуальную в юбилейный год А. М. Горького тему загадочной смерти писателя, все обстоятельства которой не раскрыты до сих пор. Сергей Казначеев пытается «разобраться в элементарных значениях самых простых слов и их значений», исследуя метафизические глубины «русского ничто». Юрий Безелянский представляет отрывок из готовящегося к изданию третьего тома серии «Русские поэты и писатели вне России», в том числе и эссе о его однокласснике Андрее Тарковском. Наш давний автор и друг Элла Матонина рассказывает об удивительной и трагической судьбе переводчика произведений Марселя Пруста.

УДК 82
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-00095-535-2

© Альманах, 2018

© У Никитских ворот, 2018

Содержание

Публицистика	7
Светлана Замлелова	7
Сергей Казначеев	13
Прозаические меридианы	22
Алексей Волков	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Коллектив авторов

У Никитских ворот. Литературно-художественный альманах № 1(3) 2018 г

© Коллектив авторов, 2018

© ИПО «У Никитских ворот», 2018

© МГО СПР России, 2018

* * *

Ну что ж, перерыв между новым и предыдущим номером альманаха «У Никитских ворот» не столь продолжительный, как в прошлый раз. И это не может не радовать. В первую очередь потому, что наше издание оказалось действительно востребованным не только среди авторов и читателей, но и в книжной индустрии. Получив множество положительных откликов по поводу предыдущего номера, мы убедились, что задача была поставлена правильно: представить современный литературный процесс максимально полно и широко.

Третий номер альманаха «У Никитских ворот» продолжает успешно решать эту задачу. Помимо традиционных рубрик поэзии и прозы, включены новые разделы, в которых авторы размышляют о литературе, её героях, сути, истории. Так, Светлана Замлелова поднимает актуальную в юбилейный год А. М. Горького тему загадочной смерти писателя, все обстоятельства которой не раскрыты до сих пор. Сергей Казначеев пытается «разобраться в элементарных значениях самых простых слов и их значений», исследуя метафизические глубины «русского ничто». Юрий Безелянский представляет отрывок из готовящегося к изданию третьего тома серии «Русские поэты и писатели вне России», в том числе и эссе о его однокласснике Андрее Тарковском. Наш давний автор и друг Элла Матонина рассказывает об удивительной и трагической судьбе переводчика произведений Марселя Пруста.

Не смогли мы не отметить и 35-летие нашего тёзки и соседа – замечательного театра «У Никитских ворот» – дав фрагмент беседы Ольги Русецкой с художественным руководителем театра Марком Розовским, полностью опубликованной в книге «Русская классика по системе Марка Розовского». Это очень важный и умный разговор о роли литературы и театра в жизни каждого из нас.

Конечно, хочется поблагодарить всех постоянных авторов, которые формируют «основой состав» альманаха, поддерживая неизменно высокий уровень, а также горячо поприветствовать новых участников нашего благородного дела.

Так победим!

Публицистика

Светлана Замлелова
Воздать должное

Замлелова Светлана Георгиевна родилась в Алма-Ате. Детство прошло на берегу Карского моря в п. Амдерма (Ненецкий АО). Окончила Российский государственный гуманитарный университет (Москва). Прозаик, публицист, критик, переводчик. Автор романов: «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная

им посмертно»; философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искарите в XX–XXI вв.», книг: «Гностики и фарисеи» (рассказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Нам американцы объявляли санкции» (сборник статей), «Французские лирики XIX века» (переводы французской поэзии), «Посадские сказки» и др. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кандидат философских наук (МГУ им. М. В. Ломоносова), защитила кандидатскую диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искариота».

Кто поставит точку в деле Горького

Нельзя утверждать, что 150-летие А. М. Горького осталось в нашей стране без внимания. Ряд мероприятий был запланирован на март 2018 г. в самых разных уголках страны. Городские и сельские библиотеки загодя готовились к выставкам, лекциям и даже к экскурсиям. В Нижнем Новгороде – на родине Алексея Максимовича – прошла реставрация сразу трёх музеев. ИМЛИ им. Горького РАН выпустил несколько книг, так или иначе связанных с жизнью и творчеством писателя. А кроме того, продолжается выпуск его полного собрания сочинений.

Стоит сказать, что работа в ИМЛИ над выпуском этого собрания началась ещё в 1966 г. С 1968 по 1974 г. выходила серия «Художественные произведения» в 25 томах, включающая рассказы, повести, романы, драматургические произведения, а также стихотворения. Серия «Письма» в 24 томах даёт самое полное представление об эпистолярном наследии писателя, отразившем как факты его биографии, так и события переломного времени, свидетельства формирования в России нового человека и нового типа сознания. Даже те письма, что публиковались когда-то с купюрами, печатаются теперь полностью. В 2018 г. должен выйти 21-й том. В дальнейшем планируется издание серии «Публицистика» в 20 томах.

Юбилей А. М. Горького включён в календарь важнейших международных дат ЮНЕСКО на 2018 г. Кстати, Россия, помимо Горького, номинировала 100-летие со дня рождения А. И. Солженицына и 200-летие со дня рождения И. С. Тургенева и Мариуса Петипа.

Словом, мероприятия, связанные с юбилеем писателя, готовились и в России, и за её пределами. В Москве к юбилею даже вернули памятник Горькому на площадь Тверской заставы. А глава Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Михаил Сеславинский в одной из передач на канале «Культура» заверил, что *«творчество Горького, его произведения не покрылись нафталином»*. Чем, конечно же, очень утешил и успокоил всех любителей отечественной словесности.

Однако по мере приближения юбилея становилось очевидным одно: интерес к личности Горького, к его жизни, творчеству, его влиянию на мировую культуру, даже к обстоятельствам его смерти, в России, на государственном уровне, отсутствует. Вот к А. И. Солженицыну такой интерес есть, к останкам царской семьи, а равно и к загадкам её гибели, тоже есть. А к писателю, оказавшему влияние на всю мировую культуру XX в., ставшему родоначальником новой, по сути, литературы, имевшему заслуженную всемирную славу и любимому на Родине всеми – от школьников до красноармейцев, интереса нет. В подобных случаях российская власть напоминает барчука, который получил огромное наследство, но не знает ему цены и оттого не понимает, как им лучше распорядиться. Впрочем, то обстоятельство, что московский памятник всё же вернули на законное место, уже внушает оптимизм и надежду на то, что писателю, которого К. Г. Паустовский называл *«совестью, честностью, нашим мужеством и любовью»*, рано или поздно воздадут должное. Даже несмотря на то, что и творчество его, да и сам образ не близки, а то и откровенно враждебны нынешним правителям России.

Но пока центральные, и особенно государственные, СМИ к юбилею Горького никаких особенных сообщений не подготовили, информацией о конференциях и обсуждениях жизни, творчества или кончины писателя не баловали. А Следственный комитет Российской Федерации не обещал гражданам проверить версию убийства Горького и наконец поставить точку в этом запутанном и нашумевшем деле. Между тем было бы неплохо, если бы к 150-летию писателя российская власть поспособствовала расследованию и установлению истины. Наверняка такое следствие вызвало бы больший интерес и меньшее раздражение, нежели проверка СКР версии ритуальности убийства царской семьи. Если епископ Тихон (Шевкунов) уверяет нас, что ничего нельзя игнорировать «при восстановлении полной картины происшедших сто лет назад екатеринбургских событий», то почему бы не восстановить картину событий, произошедших восемьдесят лет назад в Москве. Тем более что в марте 2018 г. исполняется не только 150 лет со дня рождения А. М. Горького, но и 80 лет завершения процесса по делу «правотроцкистского блока». В марте 1938 г., зачитывая Обвинительное заключение, государственный обвинитель Прокурор А. Я. Вышинский заявил: *«Как установлено следствием по настоящему делу, А. М. Горький, В. Р. Менжинский и В. В. Куйбышев пали жертвами террористических актов»*.

Тогда, в марте 38-го, обвинялся двадцать один человек, включая Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Г. Г. Ягоду, врачей Л. Г. Левина и Д. Д. Плетнёва, секретаря Горького П. П. Крючкова и др. На заседании суда Крючков и Левин говорили, что поручение убить Горького им дал Ягода. Что будто бы ради сокрытия улик больному вводились обычные лекарства для усиления сердечной деятельности, но в огромных дозировках. По приговору суда виновные были расстреляны, а версия гибели А. М. Горького от рук «кровавых правотроцкистов» утвердилась как официальная. В том же 1938 г. вышла книга М. Кольцова «Буревестник: жизнь и смерть Максима Горького». Кольцов называл Горького передовым и крупнейшим борцом за коммунизм и тем самым объяснял, почему огонь «правотроцкистского блока» был направлен именно на писателя. Одновременно Троцкий за границей обвинял Сталина, настаивая, что Сталин всего лишь *«слегка помог разрушительной силе природы»*. Спустя время стали говорить, что Горький умер естественной смертью от болезни лёгких. Потом Троцкий незаметно ни для кого вошёл в моду, в обиход попали ругательное слово «сталинист» и представления о Сталине как о безусловном злодее. Убийство Горького стали приписывать Сталину, якобы опасавшемуся, что писатель расскажет на Западе страшную правду о Советском Союзе. Потом и эту точку зрения отвергли, отнеся все «убийственные» версии к области мифологии и снова согласившись считать, что смерть писателя была естественной – от пневмонии. Но уже в начале 2000-х были впервые опубликованы некоторые документы, вновь заставившие задуматься об убийстве. Другими словами, какого-то единого и обоснованного мнения на этот счёт не существует до сих пор. Вот почему участие государства, в частности, проверка Следственным комитетом разных версий, помогло бы прекратить споры и установить истину. Ведь речь идёт об одном из самых влиятельных людей XX века и национальном достоянии России.

Пока же, с учётом недавно опубликованных документов – воспоминаний близких людей, истории болезни, заключения о смерти и пр., о кончине Горького известно следующее. Весной 1936 г. писатель жил на даче в Крыму, в конце мая приехал в Москву. Почти сразу он, возможно, простудился. Но не исключено, что заразился гриппом от внучек. С 1 июня он находился на даче в Горках-10, где за ним наблюдали лучшие врачи, в том числе и «кремлёвские». Странности начались очень скоро, что отмечает в своих дневниках комендант дома на Малой Никитской И. М. Кошенков. Во-первых, вскоре после того как Горький заболел, из дома на Никитской был вывезен его архив – Кошенков пишет, что обычно, когда писатель работал в Горках, ему из Москвы переправляли только поступившие за день письма. Но в тот раз речь шла о десятках, если не сотнях папок, сложенных в беспорядке и наскоро перевязанных верёв-

ками. Создавалось впечатление, что кто-то знал: Горький больше в дом на Никитской не вернётся.

Во-вторых, смерти писателя явно ждали. Но кто именно и почему – осталось неизвестно. Звонки с вопросами о здоровье Горького поступали круглосуточно, но время от времени выражались неуместные соболезнования. Даже Н. И. Бухарин, бывший в ту пору главным редактором «Известий», то спрашивая, куда направить телеграмму, то рассказывая, что в редакцию сообщили о смерти Горького. Слухи о смерти ползли по Москве, и не только в «Известия», но и в другие редакции поступали сообщения о кончине писателя. 8 июня он действительно едва не умер. Во всяком случае, окружавшие его люди были уверены, что помочь ему ничем уже нельзя. Однако Алексея Максимовича вернул к жизни укол камфоры, сделанный медсестрой. Так что после укола больной даже общался с приехавшими его навестить Сталиным, Молотовым и Ворошиловым. А ведь Сталин приезжал ещё несколько раз и как будто хотел о чём-то переговорить с умирающим. Но Горький был настолько слаб, что нужный разговор так и не состоялся.

В-третьих, несколько раз кто-то звонил в дом на Никитской «по вертушке», то есть по правительственному телефону, и, не называя себя, говорил что-то очень странное. Так, один раз незнакомец спросил: «Почему нет у Алексея Максимовича Плетнёва? Он – сердечник. Вы это знаете. Кто у вас отвечает за жизнь Горького? А где же любимец Алексея Максимовича Сперанский? Отшили Плетнёва?» Совершенно бессмысленный набор фраз, поразивший Кошенкова и добавивший напряжения в атмосферу дома на Никитской. В другой раз неизвестный позвонивший сказал: «Вы что сидите на Никитской? Помогайте!.. Сволочи!» Потом опять кремлёвский телефон: «Что, достигаете желанного, подлецы?»

В-четвёртых, вскоре после того, как Алексей Максимович слёг в Горках-10, там, на даче, началась настоящая эпидемия ангины, из-за чего пошли разговоры о распространившейся инфекции. Заболели и были вывезены в Москву семь человек, после перевозки которых даже продезинфицировали автомобиль.

Всё это происходило на глазах у И. М. Кошенкова, и как раз таки эти странные факты дают исследователям основания говорить об имитации естественной смерти Горького. Когда писатель умер, в его клиническом диагнозе значилась, помимо туберкулёза, сердечной недостаточности, бронхопневмонии и пр., пр., пр., ещё и инфекционная нефропатия. То есть наличие некой инфекции врачи подтвердили. Вполне вероятно, что это была инфекция, неопасная для молодых и здоровых организмов, но критическая для пожилого человека, страдавшего туберкулёзом.

Вспоминается в связи с этим эпизод из «Мастера и Маргариты»:

«...По лестнице подымались двое последних гостей.

– Да это кто-то новенький, – говорил Коровьев, щурясь сквозь стёклышко, – ах да, да. Как-то раз Азazelло навестил его и за коньяком нашентал ему совет, как избавиться от одного человека, разоблачений которого он чрезвычайно опасался. И вот он велел своему знакомому, находящемуся от него в зависимости, обрызгать стены кабинета ядом...»

Имел ли в виду Булгаков Горького – неизвестно, но то, что речь шла о расстрелянном в 1938 г. Ягоде – несомненно. Именно Г. Г. Ягода снискал в своё время славу отправителя и «фармацевта», распорядителя лаборатории ОГПУ-НКВД. А кроме того, исследовательница жизни и творчества А. М. Горького Л. А. Спиридонова сообщает о документах, уже после смерти писателя вклеенных доктором Л. Г. Левиным в «Историю болезни Пешкова Алексея Максимовича». Первый документ датирован 8 июня 1936 г., то есть именно тем днём, когда писатель был при смерти и когда о кончине его поползли слухи по Москве. Это не что иное, как обращение заведующего консульским отделом СССР во Франции П. И. Бирюкова к начальнику Лечебно-санитарного управления Кремля И. И. Ходоровскому с предложением применить при лечении писателя сыворотку от гриппа, созданную в Париже неким доктором Онг-Гвае-Свя-

ном. Якобы этот голландский доктор китайского происхождения очень симпатизирует Советскому Союзу, на основании чего сыворотку можно использовать без дополнительных проверок, которые, к тому же, и проводить-то некогда. Сыворотку неведомого китайско-голландского эскулапа доставили в Москву и, по всей видимости, ввели Горькому. И только после смерти писателя, наступившей 18 июня 1936 г., и последующей кремации сыворотку проверили и убедились в её безвредности. Причём 25 июня доктор Левин приобщил к «Истории болезни...» сведения о таинственной сыворотке, а проверка её состоялась на следующий день, то есть 26 июня.

Подозрительного и странного в этой истории очень много. И всё же остаётся вопрос: кому понадобилось убийство пожилого и больного писателя? Чем и кому досадил Горький, кто боялся его настолько, что прибегнул к тайному умерщвлению в духе Екатерины Медичи? И вот тут мы попадаем в область догадок и фантазий, откуда литературоведы и филологи вряд ли без помощи соответствующих специалистов смогут вывести нас в область фактов и знания.

Да, сегодня уже не отрицается, что антисталинская оппозиция действительно существовала и переворот в Кремле готовился. И Горький, как считает, например, филолог А. В. Евдокимов, *«был осведомлён о некоторых деталях плана оппозиции по отстранению И. В. Сталина от власти»*. На следствии Ягода признавал, что заговорщики боялись Горького, что Енукидзе в своё время рассказывал о многочисленных и неудачных попытках оторвать писателя от Сталина и что именно Енукидзе поручил Ягоде подготовить убийство Горького.

Историк Ю. Н. Жуков тоже пишет о серьёзных разногласиях и противостоянии внутри партии. Кто-то, например, категорически не принимал сталинскую внешнюю политику – вступление СССР в Лигу Наций, подготовку создания Восточного пакта, то есть воссоздание, по сути, Антанты. Кто-то осуждал подготовку новой Конституции. А Троцкий между тем открыто призывал «убрать Сталина», совершить новую революцию. Но вокруг противостояния власти с оппозицией существовало немало загадок. Например, Жуков пишет о «плотной завесе тайны», окружавшей дело Енукидзе, что, по мнению историка, связано с международной ситуацией, с ожиданиями и планами Советского Союза, с необходимостью поддерживать репутацию надёжного политического и военного партнёра. Словом, как считает Жуков, *«всё приходилось подчинять интересам внешней политики»*. В ряду прочих гипотез о смерти Горького можно рассматривать и ту, что убийство такого видного деятеля было совершено оппозицией именно с целью обвинить и дискредитировать Сталина перед международным сообществом и помешать тем самым проводимой им внешней политике, а заодно и подготовить почву для последующего затем переворота. В то же время Ягода на следствии показывал, что Горький выступал горячим сторонником Сталина и его курса. При свержении Сталина нельзя было бы не учитывать огромного влияния Горького, как внутри страны, так и за рубежом. И если бы Горький остался жив, он, конечно, поднял бы голос против оппозиции. А его голос, возможно, прозвучал бы громче других. Словом, при живом Горьком свержение Сталина имело дополнительные риски. К сожалению, показания обвиняемых на следствии не могут, по известным причинам, служить источником достоверной информации. А потому, повторимся, всё это лишь гипотезы и догадки.

До сих пор в деле Горького не поставлена точка. Смерть великого писателя остаётся по сей день загадкой, только подчёркивающей абсурдность происходящего в России. Вместо того чтобы внести ясность в биографию выдающегося писателя и человека, государство наше удралось в мистику и мракобесие, проверяя события столетней давности на ритуальность. Вместо того чтобы воздать должное одному из наиболее авторитетных и уважаемых людей ушедшего столетия, одному из организаторов литературного процесса в советской России, определившему ход русской литературы и создавшему новые направления в отечественном книгоиздании, государство возвеличивает сомнительных персонажей, символизирующих для России

крах и разрушение. И тем самым только утверждает культ разрушения над культом созидания. Стоит ли потом удивляться...

Сергей Казначеев
«Так что ж ты медлишь, русское ничто?»
Эссе

Казначеев Сергей Михайлович родился в селе Ундоры, на Волге. Служил в армии. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор пятнадцати книг в разных жанрах. Доктор филологических наук. Член Экспертной Комиссии совета по книгоизданию Правительства Москвы – руководитель секции «Москва в классической русской литературе». Заместитель председателя Совета по прозе при Союзе писателей России.

Загадка греховного вавилонского башнетворения и последующего смещения языков, приведшего к роковому чароумию, многие столетия тревожила умы многих поколений мыслителей и писателей разных племён и культур. В наши дни, когда недопонимание в жизненно необходимых сферах языка и существования грозит обернуться планетарной катастрофой, особенно важно разобраться в элементарных значениях самых простых слов и их значений.

Названием для данного эссе послужила строка из знакового стихотворения Юрия Поликарповича Кузнецова «Последний человек» (1994).

*Он возвращался с собственных поминок
В туман и снег, без шапки и пальто,
И бормотал: – Повсюду глум и рынок.*

*Я проиграл со смертью поединок.
Да, я ничто, но русское ничто.*

*Глухие услышали человека,
Слепые увидели человека,
Бредущего без шапки и пальто;
Немые закричали: – Эй, калека!
А что такое русское ничто?*

*– Всё продано, – он бормотал с презрением,
– Не только моя шапка и пальто.
Я ухожу. С моим исчезновением
Мир рухнет в ад и станет привидением -
Вот что такое русское ничто.*

*Глухие человека не слышали,
Слепые человека не видали,
Немые человека замолчали,
Зато все остальные закричали:
– Так что ж ты медлишь, русское ничто?!¹*

Глубинный смысл поэтической символики несколько (и, как кажется, вполне сознательно) затемнён автором. В самом деле, что имел в виду Ю. Кузнецов, употребляя это ответственное и многозначное слово? Ведь в разных культурных контекстах оно способно приобретать самые разнообразные значения и смыслы.

Любопытно, что, перемещаясь от Запада на Восток, мы обнаруживаем: понятие «ничто» кардинально меняет свой смысл, постепенно наполняясь конкретным и весьма значимым содержанием: если в Европейской цивилизации за этим словом преимущественно закрепляется значение пустоты, зияния, отсутствия, то в дальневосточных и индийских философско-религиозных системах **ничто** приобретает сакральный оттенок, сближаясь с важнейшим термином буддизма – «нирваной» (растворение, угасание), которая является состоянием, к которому должен стремиться человек для полного слияния с мирозданием.

Античная философия и эстетика достаточно подробно проработала эту категорию. Платон в «Государстве», к примеру, утверждал, что единое не есть бытие, но, в отличие от общего, которое представляет собой **нечто**, выступает как **ничто**. Своеобразное понимание отрицательного термина можно найти у Демокрита, Прокла, Аристотеля и других мыслителей. Для периода зрелой классики античной философии характерно внимание к материи, которая вечна и неуничтожима. Так, скажем, А. Ф. Лосев подчёркивал аристотелевское понимание проблемы, как «Всякая вещь есть нечто; и ответом на то, что такое это нечто, является эйдос...»² Атрибутом всякой вещи становится то, что Лосев обозначает таким калькирующим термином, как «чтойность», качество, которого, разумеется, лишено понятие «ничто». Однако диалектический принцип, которого придерживались Платон и его последователи, с необходимостью включал **ничто** в круговорот мироздания, и оно играло важную роль в процессе «становления чтойности». Иными словами, для динамики претворения эйдоса в вещь крайне важен этап, когда **ничто** превращается в **нечто**. В дальнейшем **ничто** станет важным звеном в диалектическом

¹ Кузнецов Ю. П. Стихотворения, М., 2011. С. 300–301.

² Лосев А. Ф. История античной философии. М., 2005. С. 62.

принципе отрицания отрицания, который тоже является манифестацией процесса **становления**.

В этом ракурсе рассматривает проблему Г. В. Ф. Гегель. Согласно его учению, ничто, которое он сравнивает с буддийской нирваной, выполняет важнейшую функцию в процессе становления наличного бытия. С одной стороны, по Гегелю, бытие противоположно ничто, с другой – это состояние необходимо при осуществлении материи. Нехитрая схема:

Чистое бытие → Ничто (становление) → Наличное бытие

даёт возможность предположить, что вещь может опредметиться (превратиться из ноумена в феномен) только благодаря переходу через промежуточную фазу уничтожения (отсутствия). Кстати, физики-ядерщики говорят примерно о том же, когда интерпретируют факт перехода электрона с одной орбиты на другую, так же как для электричества (направленного движения частиц) необходимо наличие вакансий («дырок»).

Но, пожалуй, наиболее развёрнутый анализ философской категории «ничто» был предложен И. Кантом. Во многих его работах, особенно в «Критике чистого разума», содержатся своего рода дифференциации этого многоуровневого понятия. Кант четверояким образом интерпретирует смысл **ничто**:

- 1) Пустое понятие без существующего предмета (*ens rationis*), голое создание ума, которому ничто предметное не соответствует;
- 2) Существующий перед нами предмет, лишённый понятия (*nihil privativum*);
- 3) Пустое созерцание без существующего перед нами предмета (*ens enagmatium*);
- 4) Пустой существующий перед нами предмет, лишённый понятия (*nihil negativum*).

В этом списке дефиниций нечётные определения противопоставлены чётным: если первые действительно относятся к гносеологической сфере чистого разума, то вторые наделены таки некоторой долей онтологической предметности («чтойности»), поскольку голое мышление и созерцание трудно представить себе продуктивным, то пустой или лишённый понятия предмет вполне возможно наполнить некоторым реальным содержанием при помощи того же разума. Словом, и в европейской понятийной системе **ничто** тоже порой предстаёт потенциально содержательным.

В большинстве европейских языков лексемы, олицетворяющие **ничто**, звучат почти как однокоренные образования: *nothing* (англ.), *nichts* (нем.), *nađa* (исп.), *niente* (итал.), *nic*, *nicosoś* (польск.), *ніщо* (укр.); исключением в этом ряду выступает французское *rien*. Английское *nothing*, таким образом, можно перевести буквально как «не-вещь» (вспомним неологизм Оруэлла «нелица»), что тоже отсылает к древнегреческой трактовке термина. Кроме того, следует учитывать то, что аналогом слова **ничто** можно считать и русскую форму **ничего**. Шекспировский король Лир в негодовании отчитывает любимую прежде дочь Корделию с помощью характерного оборота: «*Nothing can come of nothing*» («из ничего и выйдет ничего», вариант Б. Л. Пастернака). В русском языке, как мы далее убедимся, между двумя этими словами существует весьма существенная разница. Отметим лишь, что в данном контексте шекспировское слово обладает всеми признаками пустоты, лакуны, отсутствия конкретного наполнения, выразившимися в акте лишения дочери доли наследства в ответ на то, что сама Корделия не сочла нужным всуе расточать хвалы горячо любимому отцу. **Ничто**, таким образом, выступает в этой трагедии как движитель сюжета.

Крайняя европейская точка зрения на **ничто** была сформулирована в рамках древнеримской культуры. Латинское слово *nihil*, по сути дела, стало международным знаком всеобъемлющего отрицания. На русской почве с лёгкой руки И.С. Тургенева и его героя Базарова понятия «нигилизм», «нигилисты» получили широчайшее хождение в среде образованной публики. Опасная энергия полного отрицания встретила как поддержку в лице радикально настроенных лиц, так и резкую критику людей положительного склада в виде целого шлейфа антинигили-

стических сочинений («Асмодей нашего времени» В. И. Аскоченского, который предшествовал тургеневскому роману, «На ножах» и «Некуда» Н. С. Лескова, «Преступление и наказание» и «Бесы» Ф. М. Достоевского, «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского, «Обрыв» И. А. Гончарова, «Бродящие силы» В. П. Авенариуса, «Санин» М. П. Арцыбашева и т. д.).

Динамика общественно-политического развития в стране, к сожалению, показала, что предупреждающие месседжи не были восприняты должным образом: нигилистические тенденции оказались превалирующими, что вылилось и в кровавые террористические акты, и в революционные государственные перевороты. Отрицательная энергия продолжала актуализироваться и в последующие времена, так, например, В. В. Маяковский уже в 1915 году декларировал:

*Славьте меня!
Я великим не чета.
Я над всем, что сделал,
Ставлю «nihil»³. («Облако в штанах»)*

Чем, к сожалению, эта отрицательная интенция обернулась для самого поэта, всем хорошо известно.

Как уже было сказано, перемещаясь с Запада на Восток, **ничто** приобретает всё более наполненную содержанием форму. Ветхий Завет не содержит прямых указаний на эту категорию, однако описание Земли накануне акта сотворения мира очень похоже на отрицательное состояние: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...» (Быт., 1, 2). Здесь нет указаний на материал, из которого Бог произвёл на свет всё сущее, в том числе и сам свет, но сам процесс напоминает актуализацию материальных начал из **ничего**.

Теоретик и практик суфизма иранский поэт Джалаладдин Руми в своём колоссальном труде «Маснави-йи манави» оперирует парными понятиями «быть» и «небыть», где второе существительное по смыслу близко к понятию ничто, но обладает большими потенциальными возможностями:

*Смышлён и знающ он (разум – С. К.), но небытью не является,
покуда ангел **нетом** не станет, Ахриманом является.*

*Он словом и делом нам другом бывает,
Но лишь в (экстатическое) состояние ты войдёшь, как нетом он
бывает.*

***Нетом** бывает, так как он не превратился из быти в небыть.
Поскольку **по воле** [своей] **нетом** не стал он, то **неволен**
изрядно...⁴*

Как видим, небыть у Руми, наделяясь содержанием, приобретает черты слова *нет* в значении существительного (см. у В. И. Даля: «У нас всякого нета припасено с лета»⁵). С помощью экстатического состояния **быть** способна, пройдя стадию **небыти**, обратиться **нетом**, одушевиться и одухотвориться, лишившись при этом личной свободы. Такова цена превращения Ахримана (злого духа) в ангела.

³ Маяковский В. В. Избранные сочинения в 2-х тт. М., 1982. С. 29.

⁴ Джалал ад-Дин Руми. Маснави-йи ма'нави. Первый дафтар. СПб, 2007. С. 146.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979. С. 563.

В буддизме и даосизме, напомню, понятие «ничто» приближено к состоянию нирваны – способа достижения блаженства путём растворения в мире, полного слияния с ним. Бесконечная череда перерождений (сансара), приносящая душе неисчислимые страдания, может быть прервана благодаря нирване, достигаемой с помощью медитаций и другой духовной практики. Основоположник даосизма мудрец Лао-цзы неоднократно говорит о том, что **дао** (Путь, главная категория этого верования) пусто и даже ничтожно:

*В мире все говорят, что моё дао великое,
Хотя и похоже на ничто.
А оно великое именно потому,
Что в действительности непохоже
На великое.
Если бы оно было похоже на великое,
То уже давным-давно стало бы ничтожным*⁶.

Казалось бы, такого рода понимание мировых процессов в корне расходится с европейской традицией. Но, как отмечал академик С. Ф. Ольденбург, «при всех несомненных отличиях Востока от Запада Восток свою духовную жизнь строил и строит на тех же общечеловеческих началах, как и Запад, живёт по тем же общечеловеческим законам исторического развития»⁷. И видимая ничтожность дао в значительной степени сходится с европейской практикой аскетизма, которая была свойственна большинству философско-религиозных доктрин.

Космогонический миф буддизма и даосизма, базирующийся на представлении об иллюзорности материального мира, во многом строится на возникновении Вселенной из пустоты. Кришна создаёт миры, играючи. Правда, в индуизме есть и другой символ рождения мира: из золотого яйца волшебной птицы. Аналогичные образы есть в германской, славянской и финской мифологии: «...прилетает орлица, соответствующая голубям карпатской колядки, садится на колени Вяйнёмейнена и несёт яйца, из которых потом созданы были солнце, луна и звёзды»⁸. Впрочем, особого противоречия в двух мифологических сюжетах нет: вспомним, как часто в сказках золото обращается в прах, исчезает, становится аналогом **ничто**. У редактора афанасьевского трёхтомника – Юрия Кузнецова, кстати, архетип «яйцо» тоже встречается неоднократно: злая птица из стихотворения «Мужик» после неудачной попытки уничтожить героя тоже

*...Снесла всему начало -
Равнодушное яйцо*⁹.

Но вернёмся в Россию. Само геополитическое положение нашей страны (евразийство) предполагает некий синтез восточных и западных точек зрения, и это на самом деле так. Но не только. В русской фольклорной, художественной и лингвистической традициях мы находим широчайший спектр значений, закреплённых за понятием «русское **ничто (ничего)**», которые актуализируются, смотря по контексту употребления. В. И. Даль трактует **ничего** как форму родительного падежа слова «ничто», ставшую наречием, и закрепляет за ней такие значения,

⁶ Дао дэ цзин: современный перевод с комментариями. М., 2006. С. 50.

⁷ Цит. по: Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980. С. 6.

⁸ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2, М., 1995. С. 238.

⁹ Кузнецов Ю. П. Стихотворения, 2011. С. 216.

как «пусть, не тронь, не мешает, сойдёт с рук, порядочно, сносно, годно, авось пройдёт»¹⁰. Но есть и другие сферы применения.

В народном сознании, например, так обозначаются вещь, предмет или обстоятельства (но в любом случае нечто, а не отсутствие), не имеющие существенного значения: «– А ты не боишься? – Ничто (ништо)!» или трактуется как нечто, обладающее несомненными достоинствами: «– Как тебе невеста? – Ничего». В стихотворении Владислава Артёмова, симптоматично названном «Вещь», читаем:

*Я ходил, глядел
Два часа на него,
Как он вещью владел,
Ничего, ничего...*¹¹

В некоторых случаях отрицательное слово *ничего* и его производные и вовсе играют особо значимую роль. Просторечные формы «чё» и «ничё» в народной песне приобретают черты эвфемизмов, необходимых в такой деликатной сценке, как объяснение в любви:

*– Милый, чё, да милый, чё
Навалился на плечо?
– А я, милая, ничё,
Я влюбился горячо...*

Мы понимаем, что парню нелегко отважиться на признание, и он, выигрывая время, чтобы собраться с духом, прибегает к словечку, которое упрощает ситуацию, для того, чтобы подняться до выражения высокого чувства.

Иногда слово *ничего* конденсирует в себе некоторую агрессивную энергию, необходимую для временно отложенного действия, когда будущая угроза мщения пока прячется под неопределённым выражением: «Ну, ничего!..» в значении: «Погоди, ты у меня ещё получишь!» «Пустое», внешне нейтральное слово, таким образом, получает дополнительную и недвусмысленно выраженную экспрессию.

Полезно напомнить, что в русском переводе и английское слово *nothing* как бы обрусевает и приобретает исконно русское звучание. Король Лир у Шекспира, на слова любящей дочери Корделии о том, что она не хочет попусту славословить отца, произносит ей жёсткую отповедь: «**Nothing** will come of **nothing**» (обезумевший монарх устами Б. Пастернака изъясняется: «Из ничего и выйдет ничего...»).

Бывают ситуации, когда «ничто/ничего» и вовсе наделяются свойствами своеобразной мантры, заклинания, способного выручить человека в критической ситуации. Известно, что Отто фон Бисмарк в молодые годы выполнял ответственные поручения в России. Сохранилась историческая байка, в которой, впрочем, нет ничего фантастического. Однажды будущему рейхсканцлеру пришлось студёной зимой ехать через ночной лес. Лошади сбились с пути, мороз усиливался, начиналась метель. Молодой немец в ужасе следил за действиями возницы, который время от времени повторял: «Ничего, ничего...» Некоторое время спустя удалось выбраться к жилью, опасность миновала. Рассказывают, что многие годы спустя, заняв высший государственный пост в Германии, Бисмарк в минуты опасного затруднения расхаживал по кабинету и, к удивлению подчинённых, повторял непонятное для них слово: «Нитцшего... нитцшего...»

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1979. С. 548.

¹¹ Артёмов В. В. Светлый всадник. М., 1989.

Словом, в русском языке понятие **ничто/ничего** обладает безусловной смысловой и почти материальной наполненностью. И вот теперь самое время обратиться к текстам Юрия Кузнецова. Вполне закономерно, что в творчестве такого темпераментного и силового поэта нашлось место для множества отрицательных местоимений и наречий. Автор, резко и энергично реагирующий на любой внешний раздражитель, не мог не выражать своего негативного отношения к тому, что было для него неприемлемым. Но, что характерно, конкретная форма ничто достаточно редка в его лексике. Чаще встречаются слова *никогда*, *никто* и, естественно, *ничего*. В ранней поэме «Дом» Кузнецов напрямую говорит о многозначности этой словоформы:

*Что в этом слове **ничего** -
Загадка или притча?
Сквозит Вселенной из него,
Но Русь к нему привычна...
Оно незримо мир сечёт,
Сон разума тревожит.
В тени от облака живёт
И со вдовой на ложе.
Преломлены через него
Видения пустыни,
И дно стакана моего,
И отблеск на вершине,
В науке след его ищи
И на воде бегущей,
В венчальном призраке свечи
И на кофейной гуще.
Оно бы стёрло свет и тьму,
Но... тайна есть во мне.
И с этим словом ко всему
Готовы на земле¹².*

Легко убедиться, что в этом перечислении присутствуют многие стержневые образы поэзии Кузнецова. А вот собственно **ничто**, сознавая его повышенную значимость, он словно бы прибегает для более серьёзного повода.

Тем не менее, в знаковой балладе «Четыреста» мы сталкиваемся со случаем, чрезвычайно наполненным смыслом, – для изображения четырёх сотен погибших солдат поэт прибегает к неожиданному образу:

*В одной зажатые горсти
Лежат – ничто и всё¹³.*

Как видим, тут уже есть подступ к диалектическому толкованию непостижимого единства противоположностей – **ничто и всё**.

Кульминацией в интерпретации категории «ничто» в отечественной духовной практике стало стихотворение «Последний человек». Написано оно было в 1994 году, ставшем одним из пиков кризиса русской идеологии. Дело в том, что в период с 1991 по 1993 год общество

¹² Кузнецов Ю. П. Прозрение во тьме. Краснодар, 2007. С. 412–413.

¹³ Кузнецов Ю. П. Стихотворения, М., 2011. С. 91.

пребывало в состоянии идеологической прострации. Демократы ещё не могли поверить, что кормило власти прочно перешло в их руки, а патриоты продолжали слепо надеяться на некий реванш. Год 1994-й показал, что установленный в стране и мире новый порядок – всерьёз и надолго. Юрий Кузнецов, обладавший особого рода чувствительностью к общественно-политическим пертурбациям, понял динамику изменений раньше многих соотечественников. Вот почему ещё в 1993 году из-под его пера выходит немало стихов эсхатологической направленности: «Последняя ночь», «Ад над нами», «Плач о самом себе», «Что мы делаем, добрые люди?», «Федора», «Утешение», «Вечный изгнанник», «Заклятие в горах», «Сербская песня» и др.

Особое место в этом ряду занимает притча «Последний человек». Пожалуй, ни в одном другом месте отчаяние автора не высказалось в такой законченной, прочувствованной форме. Его герой (язык не поворачивается назвать его лирическим) возвращается с собственных поминок, ощущая собственное бессилие и ничтожество перед лицом воспреобладавших сил – глума и рынка. В определённой мере он сродни персонажу из стихотворения «Завещание» (1974). Но если тот нищий предстаёт полностью смирившимся и способен только на то, чтобы вытряхнуть снег из шапки, то теперь герой Кузнецова, которого дразнят калеккой, готов признать, что отныне он – **ничто**, но с достоинством добавляет, что он – **русское** ничто.

Разумеется, это определение требует некоторого разъяснения, которое было предпринято выше. «Глухие», «слепые» и «немые», как поэт обозначает большую часть своих соотечественников, требуют от героя ответить, что за смысл вкладывает он в свою формулировку. И тогда «бормотание» человека, проигравшего в поединке со смертью, приобретает стальную чеканность:

*С моим исчезновеньем
Мир рухнет в ад и станет привиденьем -
Вот что такое русское ничто.¹⁴*

Напомним, что примерно в те же годы над судьбой Родины напряжённо размышляют многие русские поэты, например, Николай Тряпкин:

*Промчались дни, прошли тысячелетия,
В грязи, в пыли...
О Русь моя! Нетленное соцветие!
Свеча земли!¹⁵*

Но если Тряпкин лишь с горечью стелает по поводу поругаемого Отечества, то Кузнецов грозит с кончиной России гибелью всему миру. Подобно чёрной дыре или воронке на месте тонущего «Титаника», наша страна, по мысли поэта, способна увлечь за собою в бездну всю мировую цивилизацию, а может быть, и Вселенную. Русское ничто представляется ему эсхатологическим символом, который определяет судьбы мироздания. Трудно сказать, насколько Кузнецов соотносился с восточной или западной традицией в понимании **ничто**, но при его энциклопедической начитанности сомневаться в его осведомлённости не приходится.

Согласно фольклорному принципу повтора, глухие, слепые и немые не прислушались к предостережению героя этих стихов, зато

...Все остальные закричали:

¹⁴ Кузнецов Ю. П. Стихотворения, М., 2011. С. 300.

¹⁵ Наш современник, 1993, № 12. Обложка.

– *Так что ж ты медлишь, русское ничто?*¹⁶

Со всегдашней русской запальчивостью публика выказала готовность уничтожить весь мир, раз на планете Земля не осталось достойного места для такой страны, как Россия.

Полагаю, что в те годы близок был к такой точке зрения и сам поэт. Но судьбою ему было предназначено прожить ещё почти десять плодотворных лет. В конце 90-х он уже говорил Станиславу Куняеву, что нужно «прорваться в XXI век», и это ему удалось, хотя и ненадолго. Становилось ясно, что карта России ещё не бита, и есть пути для Возрождения и Преображения. Но и тревожные предчувствия прошли не навсегда: чего стоит тот энтузиазм, с которым человечество и Россия, в том числе, недавно готовились к концу света. Прогнозировать будущее всегда чревато. Как знать, может быть, человечеству придётся ещё раз вспомнить о том, что же такое есть **русское ничто**. Русская поэзия со времён Ломоносова, Пушкина, Тютчева и Блока всегда отзывчиво реагировала на эти глубинные волны. Не был в этом ряду исключением и Юрий Кузнецов.

Сегодня, в начале века XXI, все эти вопросы приобретают особую, принципиальную остроту. В ситуации, когда наша страна находится в состоянии небывалого идеологического и информационного прессинга со стороны наших западных «партнёров», когда наш народ и избранную им власть пытаются шельмовать и третировать самые ничтожные «шавки» Европы и Америки, вопрос о всепланетной роли и миссии русского духовного и животворящего «ничто» актуален, как никогда. Многим кажется, что оно по-прежнему бездействует или медлит. Но на самом деле эта сжатая пружина пребывает в состоянии постоянной боевой готовности, и как только возникнет необходимость применения этой потенциальной энергии, нет никаких сомнений, что эффект от её применения превзойдёт все ожидания.

¹⁶ Кузнецов Ю. П. Стихотворения, М., 2011. С. 301.

Прозаические меридианы

Алексей Волков

Du Larvotto

Волков Алексей Александрович – поэт и прозаик, окончил МВТУ им. Баумана. Активно и плодотворно работает в жанре детской литературы. Автор книг: «Жёлтый гиббон», «Шклад Шамойлович Шапелкин», «Необыкновенные приключения Просто Капельки».

1

Мягкие лучи солнца расстилались по однотонному гобелену шёлковых стен. Стонали чайки. Радостное и по-настоящему вкусное томление разлилось по всему телу. Рай – это здесь, и причём в материальном воплощении. Не хотелось вставать, однако тепло уже начало проникать в комнату настолько настойчиво и явно, что желание выйти на лоджию и вдохнуть свежий морской бриз перебарывало. Голышом, нацепив по пути мягкие плюшевые тапочки, я

вышел в объятия прекрасного. Лазурная гладь с утра была ещё более насыщенная, изумрудные днём пальмы сейчас были нежны и девственны. Кристально белые и ярко очерченные яхты и пёстрые, немного неуклюжие многотонные суда застыли в порту, казалось, в ожидании какого-то чуда. Остатки дымки развеивались окончательно, небо улыбалось и пело, всем своим пространством вовлекая всех, в том числе и меня, в удивительное и увлекательное действие под названием субботний день. Ручьи фантастических ярких цветов стекали с моего уютного балкона вниз, пахло медово-цитрусовыми оттенками со стальным вкраплением пронизывающей до нейронной основы свежести. В этот момент всё плохое, грязное, горькое, болезненное, сомнительное, щемящее ушло, сменив фон на ослепительно белый позитив.

– Боже, боже, – пропел я, потягиваясь и дотрагиваясь до шершавого тельца вечнозелёного дерева. – Ещё целых десять дней. Не верится, но это правда, которую хочется притормозить, зафиксировать, запечатлеть, прочувствовать каждой клеточкой тела и души... – я начал делать утреннюю гимнастику.

Вдох, выдох, вдох, выдох... постепенно на улице начали появляться счастливые люди, одетые во всё светлое. Вдох, выдох, вдох, выдох, – лучи солнца упали наискось и удивительным образом подсветили Plage du Larvotto, который я уже так успел полюбить за те два дня, проведённые здесь, в самом сердце Монако.

Отель, где я поселился, был выполнен в самых лучших традициях Средиземноморья, и я упивался моим роскошным номером, открытой, увитой цветами верандой ресторана, мраморной лестницей с приятным налётом векового шарма.

Второй день творилось. Я сел за стол и прямо на рекламном проспекте начал писать. Рифма ложилась, как подтаявшее масло на хлеб. Писалось всласть. Так не писал я уже года два, а может быть, и никогда...

После вожаденной чашечки кофе и получасового просмотра прессы в ротанговом кресле я наконец-то неторопливо начал собираться на пляж. Солнце набирало обороты, купаться хотелось всё больше и больше. Сложив походную сумку, я спустился в вестибюль, открыл парадную дверь, вышел на площадь и направился на Du Larvotto...

2

Дальше был поезд. Не люблю летать. Поэтому в поезд Ницца – Москва садился спокойно, с тонами ностальгии по прошедшим двум неделям отдыха. Сказал Ментону: «Пока-пока...»

Помню, как сейчас, вылизанное новое купе-люкс. Обитые под дерево стены, цветы на столике, кровать. От избытка чувств спать хотелось необыкновенно. Заказав чашечку чая, я засел за просмотр развлекательного журнала, который, по обыкновению, расклеивал меня по полной. И всё же нет. Конечно же, ещё несколько часов нужно посмотреть в окно. Пробегают ведь бесподобные пейзажи. Миновав Бордигера, понеслись божественные по своей аккуратности и законченности пейзажи Лигурийского побережья в окрестностях Сан-Ремо. Ах, ну вот теперь-то можно наконец и подремать...

Спалось под равномерное, как ходики, движение поезда волшебное. Вновь вернулся Ментон, такси до Монако, «ах» от удивительного и поражающего воображение после опостылевшей Москвы отеля, той самой цветочной веранды, той самой ковровой дорожки в вестибюле, мраморного мальчика с собачкой и потрясающей панорамы Du Larvotto с балкона. Так не хотелось просыпаться. Какой-то непонятный, незнакомый доселе звук заставил меня открыть глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.